

Ли Цзюймэй злобно и долго смотрела в спину уходящему Цинь Цюну, пока не добралась до дома, а переступив порог, со злостью швырнула на землю корзину.

Она никак не ожидала, что этот пасынок окажется таким живучим и вернется с поля боя. Мало того что вернулся, так еще раздобыл денег на три большие просторные комнаты под крышей из синего кирпича, да к тому же целыми телегами возит добро в дом.

Стоило ей вспомнить слова односельчан о том, что на ту поклажу ушло не меньше пяти лянов серебра, как у нее завистливо зачесались руки, и ей отчаянно захотелось прибрать эти деньги к рукам.

Родной отец Цинь Цюна, Цинь Маошань, вернулся с полей и, обнаружив, что уже поздно, а ужин до сих пор не готов, пришел в ярость: Я целый день пахал в поле, а вернувшись, даже горячей похлебки поесть не могу! Ты, баба, чего удумала?!

Услышав гневный крик мужа, Ли Цзюймэй наконец вылезла из комнаты: А я что, только что сама пришла? Цао-эр! Цао-эр! Даже ужин приготовить не может, какая от тебя, нахлебника, польза! Только зря харчи переводишь.

С этими словами она сорвала злость на Цинь Цюне, который как раз вернулся с корзиной свиной травы.

Цинь Цао-эр был младшим гэр, рожденным от Ли Цзюймэй. Его тоже было за что пожалеть: хоть он и приходился ей родным сыном, Ли Цзюймэй больше ценила мальчиков, чем гэров, всей душой любя лишь старшего сына, тогда как на младшего только кричала да распускала руки.

Цинь Цао-эр не смел сопротивляться и лишь после того, как мать выпустила пар, шмыгнул на кухню готовить ужин.

Цинь Маошань даже не думал останавливать жену. Он, как и Ли Цзюймэй, считал, что гэр — это дармоед, которого рано или поздно выдадут замуж, а вырастили его лишь ради будущего выкупа за невесту.

Выпустив пар, Ли Цзюймэй все еще не успокоилась. Зыркнув глазами, она принялась нашептывать мужу: Хозяин, ты сегодня не видел, как этот неблагодарный Цинь Цюн притащил из уезда целый воз добра — по меньшей мере вот столько! — и растопырила пятерню.

Заметив, что Цинь Маошань тоже задумался, она продолжила: Ты только подумай, едва вернувшись, он отстроил три комнаты, да еще нашел десять лянов серебра, чтобы купить гэра у Ли Ютяня. Уж не свалилось ли на него какое богатство?

При мысли об этом Ли Цзюймэй завелась еще сильнее. По ее мнению, раз у Цинь Цюн нашлись деньги на покупку дармоеда-гэра, но при этом он не желал показывать почтительность

родителям, значит, он был неблагодарной собакой.

Ну и что с того? Мы ведь с ним тогда порвали родственные связи.

Цинь Маошань тоже загорелся этой идеей, но стоило ему вспомнить волчий взгляд Цинь Цюна в тот день, когда он отправлял сына на войну, как весь его пыл угас: этот сын затаил на них смертную обиду.

Ли Цзэймэй возразила: И что с того? Ты же его родной отец, кровные узы не разрубишь! Неужели от его богатства нам ни крошки не перепадет?

Она с полным правом считала серебро Цинь Цюна своим: Не думаешь о себе, так подумай о Дабау. Недавно он возвращался и говорил, что хочет пойти на встречу с соучениками, а на это пара лянов точно нужна. Сейчас как раз есть готовые деньги.

Цинь Дабау был их младшим сыном, рожденным позже. Мальчик обладал умом не по годам, и родители возлагали на него большие надежды, отправив учиться в деревенскую школу. Вот только в свои пятнадцать лет он до сих пор не имел даже ученой степени цзюншэна.

Увидев, что Цинь Маошань поддался на уговоры, она продолжила соблазнять мужа: Пойдешь со мной вместе, мы сделаем так...

Наконец тот кивнул в знак согласия.

.....

Цинь Цюн и Линь И ничего не знали об отношениях односельчан и семьи Цинь, да даже если бы и знали — им было всё равно. Жить собственной жизнью — вот что самое главное.

Сначала оба проводили старосту до дома, а затем на мулле вернулись к себе. Выгрузив вещи, они быстренько отвезли мула обратно Лю Дофу и только после этого смогли заняться разбором пожитков.

Опасаясь, что купленная рассада завянет без воды, Цинь Цюн первым делом понес ее на поле и уложил в затопленные лунки — так будет удобнее завтра высаживать.

Небо уже понемногу темнело, но они не стали медлить: разложили все по местам, наскоро поужинали, умылись и легли спать.

Проснувшись на следующий день и позавтракав, Цинь Цюн отправился на поле сажать рис. Линь И тоже собирался пойти помочь, но Цинь Цюн сказал, что сегодня из уездного ханьфу придут делать замер земли, и велел Линь И оставаться дома, чтобы чиновники не поцеловали

порог. Линь И пришлось подчиниться.

Дома Линь И тоже не сидел сложа руки — хлопот хватало.

Сначала он заглянул на огород: бóльшая часть посаженных ими овощей прижилась, семена тоже проросли. Линь И прополоч сорняки, бурно пошедшие в рост за последние дни, полил грядки, накрошил немного подвядшей зелени, смешал ее с отрубями и покормил кур с утками.

К моменту, когда он закончил со всеми делами, уже подходило время сы. Заметив, что замерщики из уезда всё не идут, Линь И решил, что дело откладывается на после полудня, как вдруг услышал, как староста вместе с чиновниками кличут хозяев со двора.

Линь И сначала завел гостей в дом, напоил водой, а немного передохнув, вместе со старостой и двумя чиновниками отправился к заброшенному надетку у подножия горы.

Они измерили площадь, вбили колышки и записали точное местоположение и размеры в поземельную книгу — теперь эта пустошь официально принадлежала им.

Оглядевшись, Линь И увидел огромный участок целинной земли площадью в четыре му. Куда ни кинь взгляд — всё их собственность. Земля заросла густыми сорняками, кустарником и колючками, у самого подножия горы росли деревья, не говоря уже о бесчисленных камнях и булыжниках.

Не мудрено, что никто не хотел браться за расчистку: с первого взгляда было ясно, как трудно здесь что-либо вырастить, да к тому же почва оказалась бедной. Обработать такую громадину вдвоем они вряд ли осилят, судя по всему, позже придется нанимать помощников.

Проводив старосту и чиновников, Линь И принялся за готовку: Цинь Цюн горбатился в поле, нужно было отнести ему еды.

Подумав, что Цинь Цюн целый день тяжело работал, Линь И решил побаловать его чем-нибудь посытнее: достал купленное в уезде мясо и задумал приготовить бацжоу — сочное, пряное тушеное мясо с насыщенным мясным вкусом.

Поставив вариться рис и вспомнив, что лучше всего бацжоу сочетается с зеленым перцем и яйцами в тигровой шкуре, он сварил шесть яиц, очистил их от скорлупы и отложил в сторону. Подготовив остальные продукты и приправы, Линь И приступил к готовке.

Он добавил в котел ложку масла, обжарил нарезанное толстыми ломтями свиное пузатое мясо до легкой корочки и выложил на тарелку. Затем обжарил зеленый перец и яйца, пока на них не появилась характерная корочка, и тоже убрал со сковороды.

После этого Линь И обжарил пряности до аромата, выложил обратно свинину, влил

подготовленный соус, тщательно всё перемешал, залил кипятком, добавил леденцовый сахар, накрыл крышкой и оставил тушиться на время горения одной палочки благовоний. Затем добавил обжаренные яйца с перцем и тушил еще четверть часа, пока соус не загустел.

Для баланса вкусов Линь И наскоро приготовил салат из диких трав, наполнил флягу водой и отправился в поле кормить Цинь Цюна.

Издали заведя идущего к нему Линь И, Цинь Цюн понял, что тот несет обед, бросил работу, поднялся на межу и ополоснул руки и ноги водой из оросительного канала.

— Чего так рано пришел?

Линь И опустил ношу на землю:

— Мы сегодня рано позавтракали, я боялся, что ты проголодаешься, вот и приготовил пораньше.

Цинь Цюн помог расставить еду. От умопомрачительного аромата бацжоу у него тут же заурчало в животе:

— Что за способ приготовления? До чего же пахнет!

Линь И велел мужу сначала выпить воды:

— Это бацжоу. Сначала обжаривается, а потом тушится со специями — как тут не пахнуть? Ешь давай побольше.

Мясо получилось мягким, нежным и пропитанным пряностями, а аппетитный солоноватый аромат разнесся далеко вокруг. Работавшие поблизости мужчины сразу потеряли всякий интерес к труду: животы заурчали, и они то и дело косились в их сторону.

Цинь Цюн не обращал на них внимания: завидуют — значит, всё делают правильно. Будут знать, как языки трепать пару дней назад.

Одна из женщин, помогавших в поле, протянула с завистью:

— Поглядите-ка, как этот Цюн-цзяо балует своего благоверного! И И-гэру палец о палец ударять не надо, да еще и мясо каждый день едят.

Линь И сделал вид, что ничего не слышит, с улыбкой болтал с Цинь Цюном, пока они ели, а закончив трапезу и собрав посуду, сказал:

— Я сбегаю домой вымыть плошки, а потом сразу вернусь помогать.

— Хорошо, не спеши. Если устал — поспи немного, я и сам справлюсь с полевыми делами.

Линь И еще не до конца окреп, и Цинь Цюн на самом деле не хотел утомлять его тяжелым трудом — от постоянных наклонов спина отваливается, — но упрямству Линь И не было предела, тот стоял на своем: буду помогать и всё тут.

Не сумев переубедить мужа, Цинь Цюн решил просто работать за двоих, чтобы Линь И доставалось меньше хлопот.

Линь И вскоре вернулся, и работа пошла быстрее: вдвоем они управились с посадкой риса примерно за два дня.

Дней через семь, когда корни рассады окрепнут, можно будет запускать в чеки рыбу. А до тех пор предстояло съездить за мальками.

<http://bllate.org/book/19376/1894268>